CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии) / К. В. Самохин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 480—499. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499.

Samokhin, K. V. (2024). Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province). *Nauchnyi dialog, 13* (9): 480-499. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии)

Самохин Константин Владимирович
orcid.org/ 0000-0002-0120-7682
кандидат исторических наук, доцент
кафедра «История и философия»
kon-sam@yandex.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Assassination of Alexander II in Cases of Insulting Majesty (Material from Tambov Province)

Konstantin V. Samokhin
orcid.org/0000-0002-0120-7682
PhD in History, Associate Professor
Department of “History and Philosophy”
kon-sam@yandex.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

© Самохин К. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена судебно-следственным делам об оскорблении Величества, рассматриваемым в 1881 году Тамбовским губернским жандармским управлением. Осуществлена общая количественная характеристика содержащихся в них эпизодов, в качестве причины (повода) имевших убийство Александра II. Принимались во внимание социальная принадлежность подследственных и географическая привязка к месту произнесения оскорбления. Проведена классификация выявленных случаев по принципам наличия или отсутствия в деле факта оговора (доноса), а также причинности совершения правонарушения. Все эпизоды поделены на мнимые и не содержащие оговора (доноса), а последние — еще на три группы: 1) констатирующие десакрализацию образа конкретного монарха, 2) фиксирующие начало размывания монархизма через десакрализацию образа Александра II и 3) свидетельствующие о десакрализации монархии. Реализованный количественный и качественный анализ дел свидетельствует о том, что к 1881 году девальвация монархического принципа уже наличествовала в мировоззрении российского социума. Однако с учетом числа соответствующих судебно-следственных эпизодов, а также случаев, которые не были местными органами жандармерии зафиксированы, такого однозначного вывода сделать нельзя. Автор считает, что убийство Александра II следует расценивать не только как индикатор роста антимонархических настроений, но и как спусковой крючок для становления этой тенденции.

Ключевые слова:
цареубийство; оскорбление Величества; десакрализация образа монарха; девальвация монархического принципа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the judicial and investigative cases concerning insults to the Majesty, as reviewed by the Tambov Provincial Gendarmerie in 1881. A comprehensive quantitative analysis of the episodes contained within these cases is conducted, focusing on the assassination of Alexander II as a catalyst for such offenses. The study considers the social backgrounds of the defendants and the geographical context of the insults. A classification of the identified instances is provided based on the presence or absence of denunciation (informing) in the cases, as well as the causal relationships leading to the offenses. All episodes are divided into those that are perceived as fictitious and those without denunciation; the latter are further categorized into three groups: 1) those confirming the desacralization of the image of a specific monarch, 2) those indicating the onset of a dilution of monarchism through the desacralization of Alexander II's image, and 3) those evidencing the desacralization of monarchy itself. The quantitative and qualitative analysis of these cases suggests that by 1881, a devaluation of the monarchical principle was already present in the worldview of Russian society. However, given the number of relevant judicial and investigative episodes, as well as instances unrecorded by local gendarmerie authorities, a definitive conclusion cannot be drawn. The author posits that the assassination of Alexander II should be viewed not only as an indicator of rising anti-monarchical sentiments but also as a trigger for the emergence of this trend.

Key words:
assassination of a monarch; insult to Majesty; desacralization of the monarch's image; devaluation of the monarchical principle.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).081+94(470.326)“1881”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-480-499

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии)

© Самохин К. В., 2024

1. Введение = Introduction

Принцип монархизма являлся одной из важнейших мировоззренческих установок в ментальности русского народа на протяжении практически всей истории развития российской государственности в досоветский период. Изучение его сути и различных трансформаций является необходимым фундаментом для проведения исследований, касающихся формирования и понимания сущности русской идентичности. Недаром дореволюционные историки, как правило, всегда отдавали необходимую дань уважения этой тематике в своих работах, а некоторые из них делали ее краеугольным камнем при выявлении характерных черт верховной власти в России [Тихомиров, 1998]. Следует отметить, что патриархальная культура, на которой, в первую очередь, и базировалась монархическая идея в сознании всех слоев российского общества, и крестьянства в большей степени, не только не ушла в прошлое, но и продолжает играть важную роль в структуре нравственно-психологических настроений современных россиян [Лобачева, 1999, с. 4—5]. Естественно, что определение временных интервалов становления и девальвации монархических традиций в духовном мире российского этноса будет являться важнейшим аспектом при выявлении особенностей развития славянского варианта цивилизационного развития.

Нельзя не сказать и о методологической ценности обозначенной проблемы. В частности, ее решение послужит основой для определения старта модернизационных процессов в России, тем более что выявление начала перехода Российского государства от традиции к модерну является дискуссионным вопросом в отечественной исторической науке [Побережников, 2015, с. 12]. Дела об оскорблении Величества и являются тем необходимым источником, который поможет составить общую картину монархических представлений российского социума, а также оценить потенциал для ее трансформации и обозначить первичную временную отсечку этих модификаций.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическим базисом работы является теория модернизации, которая для периода с 30—40-х годов XIX века до середины XX века рассматривается в своем классическом понимании как переход от аграрного общества к индустриальному. В духовном плане это выразилось в виде транзита от консервативных установок к инновационному стилю мышления, от коллективизма и патриархальности к индивидуализму, от патернализма к эгалитаризму в рамках семейных отношений, от религиозного сознания к рационализации мировоззрения и т. д. Одной из главных ментальных установок российского социума, характеризующих его как традиционное общество, является монархизм. Последний должен трансформироваться в процессе модернизации в осознание необходимости развития принципа широкого представительства при формировании органов государственной власти, что фактически означает смену консервативной идеологии либерализмом. Монархизм тесно связан с такими ментальными установками, как патернализм и патриархальность, потому вектор его изменений представляет собой важный процесс для перехода российского социума от традиционного общества к современному в духовном плане.

Основные положения нашего исследования будут опираться на архивные материалы фонда 4 «Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора» Государственного архива Тамбовской области. Для достижения поставленной цели были изучены дела об оскорблении Величества, относящиеся к периоду правления двух российских императоров — Александра II и Александра III. Необходимо отметить, что указанный вид дел относится к такому типу исторических источников, как делопроизводственная документация, а конкретно — судебно-следственная.

Применительно к обозначенному периоду данный тип источников, как правило, состоит из какого-либо инициативного документа (доноса, а чаще всего рапорта соответствующего должностного лица); материалов дознания (протоколы допросов, показания свидетелей и т. д., как правило, не прилагающиеся в виде отдельного документа (хотя в отдельных случаях имеются и такие), а передающиеся через отношение нижестоящего должностного лица, которому и было поручено осуществление необходимых следственных действий); ответа III отделения Его Императорского Величества канцелярии или Департамента полиции МВД Российской империи на отношение начальника Тамбовского ГЖУ и др. В большинстве случаев данные дела не доводились до суда, а решались в административном порядке. Учитывая период, с которым соотносятся проанализированные дела об оскорблении, и специфику характеризуемого исторического источника, необходимо отметить высокую степень его достоверности [Колотильщи-

CC BY

кова, 2005, с. 143], поскольку у соответствующих должностных лиц, как правило, отсутствовала какая-либо мотивация для искажения информации в материалах дела (как это имело место, к примеру, в советский период), да и необходимость выявления истинных причин произнесения оскорблений в адрес императора и членов его семьи не подталкивала служащих местных подразделений жандармерии к сокрытию или сознательному изменению фактов, вскрывающихся при проведении следствия.

С учетом поставленной проблемы историографию вопроса логично разбить на два раздела, которые по некоторым аспектам будут пересекаться между собой. Первый блок охватывает работы, связанные с отношением российского общества или отдельных его сословий к убийству Александра II. В данном случае необходимо определить следующие позиции исследователей: от констатации потрясения этим событием до оценки цареубийства как фактора, который в явном виде демонстрирует существенное снижение авторитета императорской власти. В частности, первый тезис отмечен в работе В. Б. Безгина [Безгин, 2004]. Тамбовский историк исследует социальные установки российского крестьянина, который представляется при этом «убежденным монархистом». Такое жизненное кредо сельчан находило существенную подпитку, по мнению В. Б. Безгина, в патернализме, когда аграрное население ожидало решения всех своих проблем, и особенно вопроса о земле, именно от государя. С опорой на мирские приговоры тамбовский крестьяновед делает вывод о высоком уровне искренних верноподданических чувств у жителей сельской местности. При этом В. Б. Безгин привлекает материалы департамента полиции МВД начала 1880-х годов, в частности дела об оскорблениях. Он фиксирует факт, что различного рода антиимператорские высказывания звучали в питейных заведениях, а их авторы находились в состоянии алкогольного опьянения, потому делается вывод о том, что эти крамольные речи не пользовались широкой поддержкой у односельчан, поскольку последние и являлись источником информации о подобных случаях [Там же, с. 29—30].

Аналогичные взгляды высказывает А. В. Буганов, который в своей статье провел анализ отношения русского народа к пяти монархам, в том числе и к Александру II [Буганов, 2002]. Последний, по мнению известного российского историка, представал в народном сознании как Царь-Освободитель, и во многом крестьянская реформа 1861 года формировала его положительный образ в общественном мировоззрении. Именно эта исходная установка подталкивает А. В. Буганова к заключению о том, что большинство крестьян разделяли официальную позицию относительно убийства Александра II: основной причиной его гибели стала месть дворян за то, что император собирался лишить их земли, которую предпола-

CC BY

галось передать в собственность крестьянства. Историком отмечается наличие судебно-следственных дел, так или иначе объяснявших основные мотивы цареубийства, но их единичность становится залогом вывода, согласно которому сама идея цареубийства была чуждой для основной массы крестьян вплоть до 1917 года [Там же, с. 258—259].

Схожая позиция отмечается в диссертационном исследовании Г. В. Лобачевой, посвященном эволюции монархической идеи в мировосприятии россиян периода поздней империи [Лобачева, 1999]. С опорой на различные источники Г. В. Лобачева фиксирует широкую палитру эмоциональных реакций, вызванных убийством Александра II [Там же, с. 213—219]. При этом, учитывая данные материалов судебных расследований, она констатирует неоднозначность реакции российского общества на гибель императора, когда десятки крестьян выказали одобрение террористическому акту [Там же, с. 219—220], однако на общий вывод саратовского историка эта ремарка никак не влияет: «Убийство императора, расцененное большинством как покушение на государственные основы, породило всплеск монархических настроений, увеличило число сторонников самодержавия, укрепило позиции консервативного крыла общества» [Там же, с. 248].

В некотором роде особняком находится интерпретация цареубийства в труде О. А. Суховой. Пензенский исследователь достаточно подробно анализирует проблему определения начала процесса размывания «харизмы» царского образа. Основной тезис: события 1 марта 1881 года запустили двигатель «десакрализации» императорской власти. Главной в данном случае была установка: «царя можно убить». О. А. Сухова делает достаточно осторожный, но важный вывод для нашего исследования: «Как знать, может реализованная попытка цареубийства и стала тем краеугольным камнем, изъятие которого вывело систему представлений из состояния стабильности и равновесия» [Сухова, 2008, с. 188].

И, наконец, Н. А. Троицкий сформулировал достаточно радикальную позицию в своей рецензии на книгу А. Н. Боханова об Александре III [Троицкий, 2000]. В частности, саратовский исследователь опирается на материалы столичных и региональных архивов, заявляя о 4 тыс. рассмотренных Департаментом полиции дел об «оскорблении Величества» за период с 1 марта по 1 ноября 1881 года. Данная источниковая база позволила Н. А. Троицкому зафиксировать тот факт, что убийство Александра III «засвидетельствовало видимое уже тогда падение авторитета царской власти в глазах народа» [Там же, с. 172].

Как мы видим, представленные выше точки зрения достаточно полярны в отношении оценки цареубийства, произошедшего 1 марта 1881 года, хотя основываются примерно на одинаковом круге исторических источ-

CC BY

ников, в том числе и на судебно-следственных делах об оскорблении императора и членов его семьи. Это подтверждает дискуссионность данной проблемы, что влечет за собой необходимость ее детальной проработки.

Другим историографическим блоком являются исследования, содержащие анализ дел об оскорблении Величества. Работы, посвященные данному аспекту в дореволюционный и советский периоды, отличались единичностью, что могло быть обусловлено и цензурой [Корнева, 2022, с. 390], и наличием соответствующего подхода, изначально предопределявшего выводы, которые было необходимо сделать по итогам исследования, потому мы в большей степени сосредоточимся на обзоре современных публикаций по соответствующей тематике.

Следует заметить, что в этих работах заостряется внимание на различных аспектах указанной следственно-судебной документации и применяется широкий спектр методологических приемов при обработке и анализе соответствующих архивных материалов. С учетом сказанного считаем необходимым разделить имеющиеся по обозначенной проблематике исторические труды на две группы по хронологическому принципу: 1) совпадающие с периодом правления Александра II и Александра III (вторая половина XIX века), так как их содержательное наполнение непосредственно так или иначе может касаться заявленной в нашей статье тематики; 2) посвященные началу XX века: несмотря на отсутствие непосредственной связи с событиями 1 марта 1881 года они основаны на научных методах, потенциально применимых и в нашем исследовании.

Первая группа включает в себя следующие исследовательские наработки. Е. А. Колотильщикова разделила имеющиеся в ее распоряжении архивные региональные (Тверская губерния) материалы по критерию «обоснованность мотивировки» оскорблений Величества и пришла к выводу, что некоторые из проанализированных случаев свидетельствуют о падении авторитета царской власти, но четкий временной лаг начала данного процесса она не определила [Колотильщикова, 2005, с. 144—146]. И. Н. Кузнецов провел аналогичное исследование на основе дел, содержащихся в Государственном архиве Вологодской области. Он выделил четыре категории случаев (неосознанные и умышленные высказывания, письма в адрес императора, порча изображений и портретов), однако конкретного критерия для своей классификации не обозначил [Кузнецов, 2013, с. 218]. По мнению вологодского исследователя, цареубийство еще не означало зарождения тенденции падения престижа власти императора, этот процесс он относит к началу XX века [Там же, с. 219—225].

Н. М. Корнева и А. А. Солнышкин заострили внимание на таком аспекте судебно-следственных дел об «оскорблении Его Величества дерзкими

CC BY

словами», как тяжесть юридической ответственности [Корнева, 2022, с. 391—393]. Их работа в большей степени носит историко-правовой характер, потому интересующих нас процессов не затрагивает. Аналогичным является подход, ставший основой для статьи Т. Л. Соколовой, сузившей проблематику до рассмотрения только тех правонарушений, которые были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Классификация, предложенная в данной работе, базируется на определении места, в котором прозвучало соответствующее высказывание: трактиры и казенные лавки; храм, суд и другие общественные места; волостное и сельское правления; дома крестьян [Соколова, 2023, с. 38—39]. Непосредственно события, связанные с убийством Александра II, в приведенных примерах не отражены.

Вторая группа ценна для нашего исследования преимущественно своей методологией. Общей характерной чертой этих работ, как правило, является фокусировка внимания на центральных событиях начала XX века (русско-японская война, Первая русская революция, Первая Мировая война), которые и подталкивали российским социум к изменению сложившихся монархических ментальных установок, однако эти трансформации касались преимущественно образа Николая II, в то время как сам принцип монархической основы государственного устройства еще не подвергался сомнению. Обозначим суть проведенной классификации дел об оскорблении Величества в каждой из работ.

Монография Б. И. Колоницкого содержит, на наш взгляд, наиболее обоснованный методологический принцип систематизации, ставший базовым для многих других работ. Он выделил «случайные», «карнавальные», мотивированные религиозные, политические оскорбления, а также оскорбления, детерминированные различными конфликтами [Колоницкий, 2023, с. 46]. При этом санкт-петербургским историком учитываются такие факторы, как социальное происхождение обвиняемых, место совершения правонарушения, изменение количества дел в разные годы Первой Мировой войны, наличие в них специального оговора. Следует заметить, что Б. И. Колоницкий акцентирует внимание на невозможности оценки распространенности монархических / антимонархических настроений в структуре российской ментальности предреволюционных лет по делам об оскорблении Величества [Там же, с. 560], скорее последние, по его мнению, говорят о десакрализации образа Николая II, а не в целом о десакрализации монархии [Там же, с. 227].

В аналогичном методологическом поле, но на основе соответствующей региональной специфики работают Н. А. Коновалова и А. С. Слепцов. Для определения политических настроений населения они в большей степени сосредоточиваются на анализе политических оскорблений [Конова-

лова, 2014, с. 44—46; Слепцов, 2024, с. 129—130]. В. Б. Безгин реализует свое исследование в двух направлениях: определение факторов, явившихся причинами «крамольных речей», и выявление обстоятельств, при которых они прозвучали [Безгин, 2016, с. 24—25]. А. А. Высоцкий и И. А. Негревский сконцентрировались на случаях, имевших место только в период русской революции 1905—1907 годов, а потому и их систематизация носит сугубо прагматичный характер: традиционные оскорбления, не связанные непосредственно с революционными событиями, и политические оскорбления, отразившие событийную основу Первой русской революции. Логично, что новгородские исследователи в большей степени отдали дань уважения второй категории, поскольку именно она, по их мнению, имеет соответствующий потенциал для раскрытия специфики политического сознания российского социума [Высоцкий, 2023, с. 102—105].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика дел об оскорблении Величества, возбужденных в 1881 году

Всего в фонде 4 Государственного архива Тамбовской области нами было обнаружено 84 дела об оскорблении императора и членов его семьи, возбужденных в периоды правления Александра II и Александра III: первое из них в хронологическом порядке датируется 1856 годом, последнее — 1886 годом. Раскладка эпизодов по годам представлена на диаграмме (рис. 1):

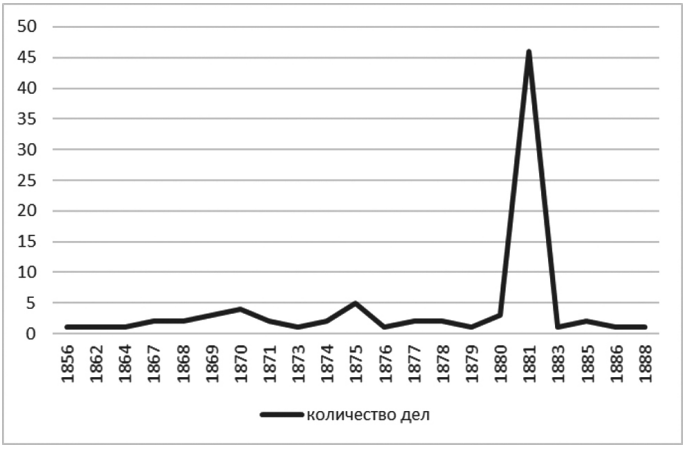

Рис. 1. Распределение дел об оскорблении императора и членов его семьи в Тамбовской губернии по годам

CC BY

Несложно зафиксировать, что всплеск по возбуждению соответствующих дел приходится на 1881 год: в этом году было заведено чуть более 50 % от общего их числа за период с 1856 по 1886 годы. Следует отметить, что в 33-х из них совершенно определенно в качестве предлога для произнесения оскорбления можно установить именно убийство Александра II. Это составляет около 72 % от количества официально зафиксированных случаев крамольных высказываний против императора в 1881 году и около 39 % от числа всех отложившихся в фонде 4 соответствующих дел в указанный выше период.

Данная статистика свидетельствует о том, что именно гибель Александра II стала поводом для произнесения оскорбления или для оговора обвиняемого в существенной части соответствующих дел, возбужденных в Тамбовской губернии во второй половине XIX века, а в 1881 году — для большинства. Первый вывод, который необходимо сделать: цареубийство действительно стало знаковым событием для жителей Тамбовщины, а с учетом информации из сделанного нами историографического обзора можно экстраполировать данный тезис и на общероссийский масштаб. Необходимо заметить, что, на наш взгляд, количество дел, напрямую связанных с цареубийством, в корреляции с представленными выше первыми статистическими выкладками, вполне репрезентативно для проведения качественного анализа. Далее, согласно заявленной тематике, мы будем рассматривать только те дела, в которых в явном виде имеется прямая отсылка к убийству Александра II. При этом следует учесть, что, хотя в оставшихся 13-ти делах, возбужденных в 1881 году, нет прямого указания на гибель императора, часть (если не большинство) из зафиксированных в них случаев, скорее всего, были так или иначе ею спровоцированы.

Исходя из информации, представленной в делах, невозможно сделать обоснованные выводы относительно социальной принадлежности обвиняемых. Чуть более половины дел содержат указание на сословие / слой: 5 мещан, 2 купца, 6 крестьян, 7 дворян / помещиков. С учетом того, что 5 эпизодов, в которых фигурируют представители высшего сословия, относятся к категории мнимых (см. ниже), то крестьяне в этом перечне преобладают, что вполне объяснимо аграрной специализацией Тамбовской губернии. В 15-ти делах можно определить профессиональную деятельность подследственных: 1 столяр, 1 запасной унтер-офицер, 3 отставных солдата, 1 запасной рядовой, 1 отставной канонир, 1 отставной фельдфебель, 1 отставной титулярный советник, 1 титулярный советник, 1 врач, 1 гражданский генерал, 1 губернский секретарь, 1 учитель, 1 буфетчица-гувернантка. В данном ракурсе налицо тот факт, что большинство обвиняемых имеют отношение к военной службе, причем все 8 находились либо в отставке, либо в запасе.

CC BY

Это говорит о том, что служба в армии могла существенно влиять на умонастроения населения и, в частности, на выработку определенных оценок, которые складывались в результате формирования более критического отношения к окружающей социальной действительности.

Если говорить о географии зафиксированных случаев, то она охватывает 11 из 12-ти уездов Тамбовской губернии: эта статистика не дает возможности сделать вывод о какой-либо региональной специфике, которая обусловливала бы произнесение оскорблений в адрес императора.

3.2. Мнимые случаи в делах об оскорблении Величества, возбужденных в 1881 году

Далее сконцентрируемся непосредственно на сути оскорблений для того, чтобы определить, действительно ли они свидетельствуют о начальной стадии девальвации монархических ценностей в ментальной системе российского социума или же имеют другую подоплеку. Естественно, это будет проще сделать при осуществлении определенной систематизации имеющихся в нашем распоряжении эпизодов.

В первую очередь, из сформированного массива дел следует исключить случаи, которые необходимо квалифицировать как мнимые. Данная квалификация позаимствована из работы М. Н. Корневой и А. А. Солнышкина и, на наш взгляд, является достаточно удачной. Мнимое оскорбление членов императорской фамилии, по мнению двух вышеназванных исследователей, чаще всего основано на оговорах, спровоцированных разнообразными конфликтными ситуациями [Корнева, 2022, с. 400—401]. Строго под описанный вид правонарушения подходит по тамбовским материалам только один эпизод. Землевладелец Шамов был обвинен в произнесении следующих слов в ответ на сообщение о кончине Александра II: «Грабились, грабились, да и до грабились, слава Богу, нужно Богу молиться, видно по делам убили» [ГАТО, ф. 4, оп. 1, д. 3127, л. 3 об. — 4]. Было проведено дознание, в ходе которого выяснилось, что донос был сделан старшиной Черняновской волости Захаровым, имевшим «злобу» к Шамову из-за тяжбы [Там же, д. 3127, л. 4 об.]. В 2-х случаях об имеющейся конфликтной ситуации материалы дела не содержат прямой информации, но по косвенным признакам ее можно предположить [Там же, дд. 3123, 3135]. Еще в 9-ти эпизодах по ходу и итогам дознания факты оскорбления Величества не подтвердились, поскольку в них имелось указание либо на неправильное понимание заявителями истинных намерений или ложное истолкование ими смысла слов подследственных, либо разговоры велись в состоянии алкогольного опьянения, что не дало оснований для соответствующих должностных лиц к произведению дела в необходимом судебно-следственном порядке [Там же, дд. 3104, 3115, 3119, 3124, 3130, 3133, 3138, 3139, 3140].

CC BY

Анализируемые случаи можно охарактеризовать относительно высоким уровнем дилетантизма доносчиков, поскольку мотивировка оскорбления представлена в очень примитивном виде только в приведенном примере, потому степень правдоподобности этих оговоров невелика. Б. И. Колоницкий говорит об определенной ценности таких дел в силу того, что они могут свидетельствовать о распространяющихся в обществе слухах, а также мыслях и умонастроениях самих доносчиков [Колоницкий, 2023, с. 63—64], однако единственный вывод, который можно сделать, следующий: недовольство Александром II присутствовало у отдельных представителей российского социума, но осознанного характера оно не принимало.

3.3. Классификация и характеристика дел об оскорблении Величества 1881 года, в которых отсутствуют случаи оговора подследственных

Оставшийся 21 эпизод с учетом проблемы, поставленной в данной статье, логично разделить на три группы: 1) констатирующие только лишь процесс десакрализации образа конкретного монарха (причем это не всегда мог быть исключительно Александр II) — 6 случаев; 2) дающие возможность зафиксировать начало размывания монархизма через десакрализацию образа убитого императора — 4 эпизода — и 3) свидетельствующие о десакрализации монархии в целом — 11 случаев. При этом факт пьянства, на наш взгляд, не является показательным, несмотря на очень серьезное обоснование Б. И. Колоницкого для выделения группы «карнавальных» оскорблений [Там же, с. 47—48]. Во-первых, из 33-х эпизодов лишь в 8-ми говорится о состоянии алкогольного опьянения [ГАТО, ф. 4, оп. 1, дд. 2969, 3099, 3103, 3104, 3113, 3115, 3116, 3134] (еще в 2-х случаях такой факт точно установлен не был [Там же, дд. 3112, 3137]): при этом только 3 из них следует признать беспричинными [Там же, дд. 3099, 3134], в остальных 5-ти мотивировка такова, что вряд ли могла быть сформулирована внезапно, только на фоне повышенного эмоционального состояния [Там же, дд. 2969, 3103, 3104, 3113, 3116], а 1 случай является мнимым [Там же, д. 3115]. На наш взгляд, мысли, выраженные в этих пьяных речах, были выношены фигурантами дела в течение длительного времени. Во-вторых, сам же Б. И. Колоницкий призывает с осторожностью относиться к таким случаям, поскольку алкогольное опьянение являлось смягчающим обстоятельством при определении наказания, потому подследственные могли намеренно искажать реальное состояние своего организма или преувеличивать степень опьянения [Там же, с. 50—51].

Первая группа включает 4 оскорбления убитого царя [ГАТО, ф. 4, оп. 1, дд. 3114, 3128, 3134, 3137] и, соответственно, 2 — нового императора [Там же, дд. 3099, 3110]. Все эти эпизоды объединяются по принципу, предло-

CC BY

женному Е. А. Колотильщиковой, — обоснованность мотивировки. Исходя из обозначенного критерия, оскорбления данного плана не содержат явно выраженной причины (эта группа различными исследователями определяется как немотивированные, случайные, неосознанные, неумышленные). В частности, отставной фельдфебель Кириллов, который управлял лесной частью в имении графини Шуваловой, прибыл в лес и начал ругать крестьян за некачественное выполнение порученной им работы. Для усиления эффекта сказал: «Это дурак царь вас набаловал». Когда же крестьяне обратили его внимание на тот факт, что бранить императора не следует, Кириллов обругал покойного царя матерными словами и добавил, что Александра II за то и убили, что он был дураком и потому баловал крестьян. При дознании фельдфебель от своих слов отказался, а крестьяне настаивали на том, что такой факт имел место [Там же, д. 3114, л. 1—2 об.]. Налицо конфликтная ситуация, которая могла предполагать случай намеренного оговора, однако материалы дела оснований для такого вывода не дают.

Досталось и преемнику убитого императора. В Шацком уезде, в трактире, крестьяне пили чай и водку, и, когда речь зашла об убийстве императора, священник Узоров резюмировал: «Мученическую смерть принял наш император Александр Николаевич. Царство ему небесное! Дай Бог благополучно царствовать новому Государю нашему Александру Александровичу!». На последние слова крестьянин Беглов ответил: «Эко новый царь, г…но собачье!», — за что был подвергнут аресту на 7 дней [Там же, д. 3099, л. 1 об. — 2, 5]. Сторож станции Хоботово Московско-Козловской железной дороги, унтер-офицер запаса Гурьев, узнав, кому следует присягать после кончины Александра II, нового императора охарактеризовал так: «Строг скотинка». Вины он своей не отрицал, но заявил, что слова сорвались у него с языка, так как слышал, что действующий царь строг [Там же, д. 3110, л. 6—6 об.].

Первые два примера из этой группы можно охарактеризовать как традиционное оскорбление: в них использованы бранные слова, которые часто употреблялись в повседневной жизни, потому к реальным личностным особенностям двух императоров не относились. Третий имеет достаточно определенную привязку к личности Александра III, однако новый император еще не успел себя проявить в политическом плане настолько, чтобы вызвать у подследственного какое-либо осмысленное и основанное на реальных фактах недовольство (дело было возбуждено 12 марта 1881 года). Однако сам факт информированности населения из российской глубинки о личностных качествах только что вступившего на престол царя достаточно интересен.

Вторая группа, которую следует обозначить как причинно-обусловленные случаи, охватывает дела, по которым можно определить начало де-

CC BY

вальвации монархизма на примере оскорблений убитого императора [Там же, дд. 3100, 3103, 3110, 3118]. В них причина оскорбления видна отчетливо. В частности, крестьянин Диковской пригородной слободы г. Липецка Куликов во время разговора о кончине Александра II заявил: «Так и следовало, что царя убили, он был злодей, я через него лишних 8 месяцев сидел в тюрьме». Во время дознания было установлено, что подследственный находился в состоянии сильного алкогольного опьянения [Там же, д. 3103, л. 1—1 об.]. Очевидно, что подобные эпизоды основаны на отмеченном В. Б. Безгиным патернализме в системе ментальных установок русского крестьянства. На наш взгляд, по оскорблениям из таких дел уже можно говорить не только о десакрализации образа Александра II, но и о начале размывания монархического принципа в мировосприятии российского социума, поскольку сама личность убитого монарха в этом плане играет второстепенную роль, так как аналогичные ситуации, как можно предположить, возникли бы и при убийстве любого другого императора, но в соответствующий временной период. Однако, как мы видим, вера в «доброго царя-батюшку», который способен решить любые проблемы, по-прежнему присутствовала в системе социальных установок русского народа.

Еще один случай является особенным, поскольку фигурантом дела в нем выступил политический ссыльный. В частности, некто Зборовский во время разговора со своей кухаркой заявил, что Александра II давно следовало уморить [Там же, д. 3110, л. 4—4 об.]. По материалам дела невозможно установить причину недовольства покойным императором, однако само положение Зборовского говорит о том, что мотивы у подследственного могли быть достаточно серьезными.

Далее перейдем к группе эпизодов, в которых имели место правонарушения, позволяющие, на наш взгляд, судить о размывании монархического принципа в мировосприятии российского общества [Там же, дд. 2969, 3106, 3109, 3112, 3113, 3115, 3124, 3129, 3133, 3136, 3273]. Подавляющая их часть основана на принципе обобщения, при котором в оскорблениях Александр II упоминался в негативном ключе вместе со своим преемником либо с другими правителями, что и позволяет, на наш взгляд, делать выводы о десакрализации монархии в целом, а не только образа убитого императора.

В данной группе также присутствуют оскорбления, причины которых по соответствующим высказываниям определить невозможно [Там же, дд. 3113, 3124]. Например, в поселке Грязи, в трактире, отставной рядовой Иванов, не вполне трезвый, запел песню. В ответ на сообщение о смерти Александра II он заявил: «Мы это и без вас знали, не радуйся, Россия, что царь будет новый, еще будет хуже, я их всех знаю» [Там же, д. 3113, л. 1].

CC BY

Если в предыдущем случае оскорбление действительно имело место, то в других его наличие может быть подвергнуто сомнению, но мы их считаем достаточно показательными [Там же, дд. 3115, 3133]. В одном из дел в качестве обстоятельства совершения правонарушения указано состояние алкогольного опьянения подследственного. В частности, отставной солдат Суворинов пил в кабаке и во время разговора о смерти Александра II произнес фразу: «Покойный государь царствовал, но все-таки околел». По свидетельству крестьянина Анохина, данная фраза звучала иначе: «Царь околел, так ему и следовало, а новому Государю то же будет». Некто Сутормин, присутствовавший при разговоре, этих слов не подтвердил, а Суворинов заявил, что был пьян и ничего не помнит [Там же, д. 3115, л. 3—4].

В трех делах в качестве причины для оскорбления отмечается нерешенность в стране аграрного вопроса [Там же, дд. 3106, 3109, 3112]. В частности, один из крестьян с. Больше-Избердей Липецкого уезда во время разговора с отставным рядовым Разводовым выразил недовольство, что тот, не имея права на душевой надел, получает землю от сельского общества, а податей за нее не платит. Еще один крестьянин Сомин в защиту Разводова сказал: «Одного царя застрелили, следует и другого разстрелять за то, что отставным служивым не дает земли» [Там же, д. 3106, л. 1—1 об.].

Об определенной степени девальвации монархизма в системе ментальных установок российского социума может свидетельствовать и желание отдельных его представителей ввести конституцию [Там же, дд. 2969, 3129]. Наличие такой тенденции подтверждается, к примеру, делом мещанина Арапова, лишенного дворянского достоинства по суду за мошенничество. Он в трактире г. Козлова в состоянии алкогольного опьянения смерть Александра II прокомментировал так: «Собаке собачья смерть, все это делается к тому, чтобы была Конституция и тогда всем будет лучше». Однако при дознании свидетель Перов данного факта не подтвердил, а подследственный квалифицировал донос как ложный, поскольку дерзких слов он об государе не говорил по причине глубокого уважения к императорской фамилии. Факт разговора о конституции Арапов не отрицал, сообщая, что таким образом выражал свое мнение [Там же, д. 2969, л. 1, 3—4 об.].

И, наконец, оставшиеся два случая, относящихся к рассматриваемой группе, необходимо причислить к категории экстраординарных, поскольку личность обвиняемых и причины оскорбительных слов не были типичными и выходили за рамки повседневной жизни в Тамбовской губернии. В одном из них в качестве фигуранта выступил домашний учитель Розов (по материалам дела, кирсановский дворянин, служивший у местного купца), который при дознании был заподозрен в принадлежности к революционной партии. Убийство Александра II вызвало у него следующую реакцию:

CC BY

«Есть о чем горевать, это радость, слава Тебе Господи победили» [Там же, д. 3136, л. 1]. В другом деле в качестве обвиняемого был признан крестьянин Самылин, подлежавший высылке в Сибирь по обвинению в открытом грабеже с насилием. Арестанты спасской тюрьмы, в которой содержался подследственный, читали информацию о последних минутах жизни умершего императора, на что Самылин заметил: «Есть что читать, так его и следовало убить». Далее свою речь он продолжил матерными словами и добавил: «И теперешнего Государя следует убить, за то что устроил окружные суды и посадил туда лапотников присяжными, которые неправильно нас судят и ссылают в Сибирь» [Там же, д. 3273, л. 5об.]. Последний случай, как видим, имеет четкую привязку к политике Александра III, однако факт его объединения с предшественником говорит, на наш взгляд, о серьезном снижении авторитета императорской власти в глазах арестанта.

4. Заключение = Conclusions

Итак, из 33-х проанализированных случаев по 15-ти следует зафиксировать тенденцию к десакрализации монархии как таковой. Вроде бы факт очевиден. Однако такой вывод нуждается в определенных оговорках. Во-первых, с одной стороны, эти цифры могут быть признаны ничтожными при сопоставлении с общим количеством населения Тамбовской губернии в 1881 году, но, с другой стороны, логично предположить, что достаточно большая доля случаев по разным причинам не отражена в судебно-следственных делах: о них соответствующие должностные лица могли просто не получать никакой информации, а если ее и получали, то дело могли и не возбуждать, и т. д. Однако такие данные обнаружить не представляется возможным.

Во-вторых, с одной стороны, обстоятельства смерти Александра II по исследуемым делам являлись не столько фактором роста антимонархических настроений, сколько индикатором, который позволяет таковые зафиксировать. Иными словами, девальвация монархизма началась ранее. Но с другой, цареубийство, осуществленное радикальными элементами общества, впервые имело место в отечественной истории. В данном случае необходимо согласиться с рассуждениями исследователей, апеллирующих к установке «царя можно убить», а она, на наш взгляд, во многом способствовала десакрализации не только образа Александра II, но и всего принципа монархического устройства Российского государства. Эта установка вполне могла стать спусковым крючком для начала трансформации отдельных (разрозненных) фактов недовольства как политикой конкретного императора (будь то Александр II или Александр III), так и монархией в целом, в устойчивую тенденцию снижения авторитета императорской власти.

CC BY

В контексте модернизационного подхода следует заметить, что о начале духовной модернизации российского социума с учетом ее многонаправленности, сформулированной нами выше, при таких оговорках говорить не стоит, поскольку она еще не приобрела вид оформленного тренда, а потому нуждалась в еще более серьезных факторах, которые смогли бы создать необходимые условия для изменения ментальных установок с учетом высокой степени инерционности общественного сознания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАТО — *Государственный* архив Тамбовской области. Ф. 4 (Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Дд. 1472, 1624, 1769, 1928, 1985-1987, 2041, 2042, 2158, 2159, 2161-2163, 2233, 2234, 2382, 2383, 2502-2506, 2614, 2722, 2723, 2776, 2797, 2884, 2967-2969, 3099-3119, 3121-3140, 3163, 3273, 3412, 3657, 3658, 3752.

Литература

1. *Безгин В. Б.* За что и как крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (74). — Ч. 2. — С. 24—27.

2. *Безгин В. Б.* «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX — начала XX вв.) / В. Б. Безгин // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Нестор, 2004. — Выпуск 2. — С. 29—34. — ISBN 5-303-00131-8.

3. *Буганов А. В.* Отношение к русским царям в народном сознании XIX — начала XX века / А. В. Буганов // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. Международный симпозиум 18—19 января 2002 г. — Москва : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2002. — С. 253—261. — ISBN 5-93725-013-3.

4. *Высоцкий А. А.* Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии) / А. А. Высоцкий, И. А. Негревский // Ноябрьские чтения-2022 : Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 18—20 ноября 2022 г. — Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2023. — С. 101—106. — ISBN 978-5-00197-093-4.

5. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика» : Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 664 с. — ISBN 978-5-4448-1939-5.

6. *Колотильщикова Е. А.* Дела об оскорблении Его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX — начале XX в. (на материалах Тверской губернии) / Е. А. Колотильщикова // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект : Материалы XVII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16—17 мая 2005 г.: в 2 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. — Санкт-Петербург : Нестор, 2005. — Ч. I. — С. 142—147.

CC BY

7. *Коновалова Н. А.* Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века / Н. А. Коновалова // Вестник Омского университета. — 2014. — № 1. — С. 42—47.

8. *Корнева М. Н.* «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) / М. Н. Корнева, А. А. Солнышкин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 388—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409.

9. *Красильщиков В. А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века / В. А. Красильщиков // Вопросы философии. — 1993. — № 7. — С. 40—56.

10. *Кузнецов И. Н.* Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — нач. XX в. По следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи / И. Н. Кузнецов // Вестник архивиста. — 2013. — № 3. — С. 215—226.

11. *Лобачева Г. В.* Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881—1917 годы) : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. В. Лобачева. — Саратов, 1999. — 436 с.

12. *Побережников И. В.* Человеческий потенциал российской имперской модернизации / И. В. Побережников // Человек в условиях модернизации XIX—XX вв. : сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН / Отв. редактор В. В. Алексеев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2015. — С. 11—16. — ISBN 978-5-7691-2425-9.

13. *Слепцов А. С.* Образ монаршей власти: кого и почему оскорбляли в области Войска Донского в начале XX века / А. С. Слепцов // Клио. — 2024. — № 5 (209). — С. 126—132. — DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132.

14. *Соколова Т. Л.* Оскорбление императора, совершенное в состоянии алкогольного опьянения : особенности преступления и наказания во второй половине XIX века (на материалах Вологодской губернии) / Т. Л. Соколова // Современная науки : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2023. — № 12—2. — С. 36—40. — DOI: 10.37882/2223-2982.2023.12-2.32.

15. *Сухова О. А.* Десять мифов крестьянского сознания : Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О. А. Сухова. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 679 с. — ISBN 978-5-8243-1006-1.

16. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — Москва : ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. — 672 с. — ISBN 5-89653-012-9.

17. *Троицкий Н. А.* А. Н. Боханов. Император Александр III / Н. А. Троицкий // Вопросы истории. — 2000. — № 8. — С. 171—174.

Статья поступила в редакцию 24.08.2024,
одобрена после рецензирования 08.11.2024,
подготовлена к публикации 20.11.2024.

Material resources

GATO — *The State Archive of the Tambov region. F. 4 (Ruler of the Tambov viceroyalty. Office of the Tambov Governor).* (In Russ.).

References

Berezhnikov, I. V. (2015). The human potential of the Russian imperial modernization. In: *Man in the conditions of modernization of the XIX—XX centuries: collection of sci-*

entific articles. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 11—16. ISBN 978-5-7691-2425-9. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2004). "Tsar-Father" and "God-bearing People" (peasant monarchism of the late XIX — early XX centuries). In: *Proceedings of the Department of History and Philosophy of Tambov State Technical University: collection of scientific papers, 2.* St. Petersburg: Nestor. 29—34. ISBN 5-303-00131-8. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2016). For what and how the peasants scolded the tsar (based on the materials of investigative cases of the late XIX — early XX century). *Historical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 12 (74) / 2:* 24—27. (In Russ.).

Buganov, A. V. (2002). Attitude to Russian tsars in the popular consciousness of the XIX — early XX century. In: *Where is Russia going? Formal institutions and real practices. International Symposium January 18—19, 2002.* Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences. 253—261. ISBN 5-93725-013-3. (In Russ.).

Kolonitsky, B. I. (2023). "*Tragic eroticism": Images of the Imperial family during the First World War.* Moscow: New Literary Review. 664 p. ISBN 978-5-4448-1939-5. (In Russ.).

Kolotilshchikova, E. A. (2005). Cases of insulting His Imperial Majesty and persons of the reigning house as a source of studying peasant consciousness in the late XIX — early XX centuries. (based on the materials of the Tver province). In: *Historical memory and social stratification. Sociocultural aspect: Materials of the XVII International Scientific Conference, St. Petersburg, May 16—17, 2005: at 2 p.m., 1.* St. Petersburg: Nestor. 142—147. (In Russ.).

Konovalova, N. A. (2014). On the study of the problem of peasants insulting the person of the Emperor at the beginning of the XX century. *Bulletin of Omsk University, 1:* 42—47. (In Russ.).

Korneva, N. M., Solnyshkin, A. A. (2022). "Insulting His Majesty with Insolent Words" as State Crime (St. Petersburg Archives). *Nauchnyi dialog, 11 (10):* 388—409. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-10-388-409 (In Russ.).

Krasilshchikov, V. A. (1993). Modernization and Russia on the threshold of the XXI century. *Questions of philosophy, 7:* 40—56. (In Russ.).

Kuznetsov, I. N. (2013). The image of the tsar in the consciousness of the peasantry of the Vologda province in the second half of the XIX — beginning. XX century. On investigative cases of insulting the name and title of the Emperor and members of the imperial family. *Bulletin of the archivist, 3:* 215—226. (In Russ.).

Lobacheva, G. V. (1999). *The monarchical idea in the mass consciousness of Russians (1881—1917).* Doct. Diss. Saratov. 436 p. (In Russ.).

Sleptsov, A. S. (2024). The image of monarchical power: who and why were insulted in the Donskoy Army area at the beginning of the XX century. *Klio, 5 (209):* 126—132. DOI: 10.24412/2070-9773-2024-5-126-132. (In Russ.).

Sokolova, T. L. (2023). Insult to the emperor committed while intoxicated: features of crime and punishment in the second half of the XIX century (based on materials of the Vologda province). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 12—2:* 36—40. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.12-2.32. (In Russ.).

Sukhova, O. A. (2008). *Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late XIX — early XX century)*

based on the materials of the Middle Volga region. Moscow: ROSSPEN. 679 p. ISBN 978-5-8243-1006-1. (In Russ.).

Tikhomirov, L. A. (1998). *Monarchical statehood.* Moscow: SUE Oblizdat, Alir LLP. 672 p. ISBN 5-89653-012-9. (In Russ.).

Troitskiy, N. A. (2000). A. N. Bokhanov. Emperor Alexander III. *Questions of history, 8:* 171—174. (In Russ.).

Vysotsky, A. A., Negrevsky, I. A. (2023). Cases of insulting members of the imperial family during the First Russian Revolution (on the example of the Novgorod province). In: *November readings-2022: A collection of articles on the results of the XIII All-Russian Conference of students, postgraduates and young scientists. St. Petersburg, November 18—20, 2022.* St. Petersburg: Scythia-print. 101—106. ISBN 978-5-00197-093-4. (In Russ.).

The article was submitted 24.08.2024;
approved after reviewing 08.11.2024;
accepted for publication 20.11.2024.